

ОТКРЫТИЕ НА СТЫКЕ КУЛЬТУР

Независимая 2003-2004 - 14 апр. - с. 7

Михаил Жирмунский

Исполнители вообще более известны, чем композиторы, и на фоне громких имен труднее оценить заслуги подлинных творцов. Композитор Ариф Мирзоев изредка привлекал к себе внимание и теперь оказался единственным создателем музыки из кандидатов на Госпремию — за «Органную симфонию памяти Баха» и «Январские пассионы». «Симфония» много исполнялась в мире на самом престижном уровне, Мирзоев признан в авторитетных кругах: в 1994 г. награжден медалью «Бах-хауза» в Айзенахе «Наследники Иоганна Себастьяна Баха» за вклад в мировую «бахиану». Главное достоинство музыки Мирзоева в том, что в поисках нового языка она чужда игры со смыслами и пробивается к глубокому духовному содержанию, полностью открыта для эмоционального восприятия слушателем.

- АРИФ АБДУЛЛАЕВИЧ, вашей заслугой сочтено музыкальное соединение Запада и Востока на основе полистилистики. В чем же проблема такого сплава?

— Мне в молодости говорили: «Ты азербайджанец и должен писать азербайджанскую музыку». О том же сказал и наш основоположник Узеир Гаджибеков: если писать не родную музыку, то не удастся сделать открытия. Я прислушался к его словам — это вопрос эстетики, а не национализма. Но сам всегда сочинял полифонические пьесы, хотя нашей национальной музыке полифония, считалась несвойственна: наш мугамат — многоголосный, поэзный. В результате поисков я пришел к выводу: мугам — импровизационная музыка восточного Возрождения — имеет скрытую полифонию. Затем мой учитель Кара Караев внушал мне, что национальное в музыке надо видеть глубоко. И я стал копаться в духовной музыке ислама, которая звучала во время похоронного обряда, после него молитвы из Корана читались в основных ладах — семь мугамов, и каждый имеет свой звукоряд. С другой стороны, я уверен, что тема Токкаты и фуги ре минор Баха — восточная: там много необычных для Европы интонаций. Об этом я в Германии разговаривал с Удо Циммерманом, это композитор и главный дирижер Лейпциг-Оперы, директор Лаборатории современной музыки и друг Штокхаузена! И я ему доказал, что эта музыка Баха — готовая восточная импровизация. Бах не был на Востоке, но он не был ни в Италии, ни во Франции — просто обладал этой информацией. Циммерман сказал, что у меня иная полистилистика, которая отличается от Шнитке и соединяет невероятные вещи на трех уровнях. Первый: музыка Востока и Запада. В противоположность Киплингту, сказавшему, что Запад и Восток никогда не сойдутся, я пытаюсь доказать, что они сходятся. Второй: музыка восточного Возрождения и европейского Возрождения и барокко, старинные танцы типа пассакалии, жиги, гавота, сарабанды, менуэта. Третий: духовная музыка ислама и духовная протестантская и католическая музыка. При таком смешении и созданы моя «Органная симфония памяти Баха» и «Январские пассионы» (исламская траурная месса). В мировой музыкальной литературе не было подобных аналогов. В Германии признали, что я первый стал этим заниматься, был назван «Бахом Востока», награжден медалью Баха. Цель моей жизни — создать несколько сочинений в таком ключе и утвердиться в этой полистилистике Востока и Запада, как определил это Циммерман.

- Неужели до сих пор на Востоке не было других композиторов, воссоединившихся с западной музыкальной традицией?

— Были наши классики: Кара Караев, Фикрет Амиров — «Симфонические мугамы» Амирова играли Стоковский, Орманди. Но они писали не полифоническую музыку, а соединяли восточное и западное на принципах европейского симфонизма XX века. В ней нет того смешения, что у меня, — для этого надо быть, наверное, авантюристом. Когда я показал свои работы профессору Леману из Московской консерватории, он сказал: «Вижу, что вы ответственно подготовились к такому опыту — иначе можно было бы опозориться».

- Есть же и другие мусульманские страны. Как там обстоит дело с музыкой?

— Восточный мир имеет много импровизаторов, но они не занимались синтезом. В Турции один крупный композитор — Аднан Сайгун, он учился даже у Хиндемита и Бартока. Но в Азербайджане все несопоставимо: количество значимых композиторов и самой разнообразной музыки, система советского образования. В мусульманских странах такого больше нет нигде. И сам народ очень музыкален, склонен к импровизации. Мой учитель Караев сам учился у Шостаковича. Поэтому и я как композитор прошел эту школу. В чем ее основа? Она идет опять же от Баха: из малой темы выжимаешь все, что можно, за счет ее интонационного развития.

- Откуда та тема, которая открывает вашу «Симфонию»?

Лауреат Государственной премии России азербайджанский композитор Ариф Мирзоев. Фото Назима Мирзоева

— Это грустная азербайджанская песня, легенда-рассказ на три минуты. Ее печальная тема развивается и доходит до грандиозной пассакалии в финале. Финал — это реквием, стоны умирающего. Все завершается проведением этой песни в грандиозном увеличении, гимном бессмертия Баха. И в этом отражены катаклизмы уже нашего века. Это мое автобиографическое произведение, я шел к нему всю жизнь. Потому что Бах — подарок самого Господа Бога.

- Почему в основе именно Бах и полифония, в чем ее преимущества?

— В Германии меня восприняли как феномен: мусульманский композитор написал протестантскую полифоническую симфонию. А начинается это в моем детстве. Мне удивительно повезло, что отец, владеющий народным шипковым инструментом тар, сам играл и увлекал детей заниматься музыкой. В начале века из провинциального городка Российской империи Ленкорань он переехал в Баку, где сумел купить восьмикомнатную квартиру у большой немецкой семьи. Немцев в Баку было много, там даже есть лютеранская церковь, где прошел концерт к моему 50-летию. Каждый из детей этой семьи играл на музыкальном инструменте. За символическую цену они оставили нам рояль «Бехштейн», пианино «Линке-Берлин», которое сейчас стоит у меня в квартире, флейту, арфу, фисгармонию и клавесин. Были и ноты произведений Баха. Моя влюбленность в Баха не была случайной. Мне больше всего нравилась фисгармония — я брал звук, он тянулся, это меня страшно увлекало. Впервые Токкату и фугу ре минор я услышал в итальянском фильме «Прелюдия славы». Меня потрясла эта полифония: один голос начинается, второй развивается, третий вступает, небольшая интермедия, и — четвертый. Для меня, как для ребенка, это была самая главная игрушка.

- Все, что выдвинуто сейчас на премию, написано довольно давно?

— Но эта музыка эксклюзивна, и интерес к ней все равно будет. «Январские пассионы» написаны по следам январских событий 1990 года в Баку, когда погибло много людей, исполнены ровно два года спустя только один раз, потому что это сложность его партитуры не позволяло его исполнять часто: оно для хора, органа, оркестра и двух народных солистов, певца и смычкового инструмента кеманчи, напоминающего человеческое пение. А Органная симфония, наоборот, исполнялась очень много раз: впервые в 1986 году в Киеве и затем в Зале Чайковского и в Большом зале филармонии в Петербурге, в Минске, Таллине, Калининграде, в соборе Будапешта, где когда-то играл Лист...

- Как она попала в Вестминстерское аббатство?

— Я задумал проект исполнения «Симфонии» в крупнейших соборах мира. В Англии он был осуществлен в 1996 г. Премьера прошла в Кафедральном соборе Шотландии в Эдинбурге, затем в Йоркминстере, где крестили Елизавету II, и позже в Вестминстерском аббатстве. Это церковь королевской семьи, и там похоронены величайшие люди Англии — совсем особая аура и самый крупный в стране орган, на котором играли Перселл и Гендель. Собралась вся элита Лондона, архиепископ Кентерберийский. Настоятель отец Джонатан встретил Севиль Алиеву, дочь президента Азербайджана, и они торжественно открыли концерт. Это все показывали и в России по телевидению. Потом в 1997 г. была премьера в Национальном кафедральном соборе США в Вашингтоне, который строили 100 лет и достроили при Рейгане. Чтобы сыг-

рать в нем, органисты ждут годами. А нам с Александром Фисейским удалось договориться за восемь месяцев!

- Общались с кем-нибудь из королевской семьи?

— Перед поездкой в Шотландию мне заказали произведение в память о случившейся там трагедии: террорист застрелил в школе детей. За полтора дня я написал пьесу «Сицилиана-колыбельная детям Дамблейна». Когда проходил мемориальный концерт, на него приехал принц Чарльз, и служба началась с моего произведения. Я только по телевизору видел, как он плачет, слушая мою музыку.

- Вы азербайджанский композитор. Причем же Госпремия России?

— Я свыше 25 лет живу в России — так что я российский композитор азербайджанского происхождения. На родине я почетный член Союза композиторов, но мной не занимается родная республика именно потому, что я гражданин России и не имею никаких званий. Я давно интегрирован в российскую музыкальную культуру — меня исполняли Аркадий Севилов, Александр Слободяник, Нина Коган, Елена Гилельс, органист Наталья Гуреева, скрипач Альберт Марков. В советское время моя музыка звучала во всех залах Москвы. Одно время я и песни писал, их пели Кобзон, Лещенко, Улетова. Песня «Следы на снегу» получила Вторую премию на Всесоюзном конкурсе песни в Таллине.

- Чем живете сейчас?

— Не так давно играл в Париже 24 прелюдии для фортепиано, выступал с концертами джазовой музыки — я ведь еще и пианист-импровизатор. В Париже меня пригласили сыграть осенью «Сарабанду принцессе Диане», поскольку она погибла именно там, — это будет мировая премьера, пока что было только исполнение на Радио Объединенной Европы. Когда я встречался в Германии с выдающимся дирижером Куртом Мазуром, он долго смотрел партитуру «Органной симфонии» и спросил: «Почему вы сами не играете? Видно, что ее писал профессиональный органист». Для меня это было неожиданно. Последняя же встреча с Мазуром была на похоронах Шнитке в Москве. И когда он меня увидел, его первый вопрос был: «Наконец-то вы стали сами играть свою Симфонию?» К тому времени я оценил его дальновидность и стажировался в Московской консерватории по классу органа. И вот сейчас уже приготовлены две программы, одну сыграю в Москве в мае. Многие прозвучат впервые: например, «Аве Мария» на полный текст католического гимна — это будет восточная «Аве Мария». Есть договоренности о выступлениях в Европе, так что следующий сезон буду концерттировать в качестве композитора и органиста.

- Что-то сочиняете?

— С 90-х годов я крупными произведениями не занимаюсь: сложно организовать их исполнение. Пишу камерную и органную музыку. Завершил «Бах-пассион» — версию «Органной симфонии» для симфонического оркестра. С ним я буду дебютировать в качестве дирижера. Только что написал номинальную хоральную прелюдию «Жертвам подлодки «Курск»».

- Вы отзываетесь на все громкие трагедии?

— Меня признали как мастера мемориальной полифонической религиозной музыки, которую я стал писать после потрясений от межнациональных войн. Я очень грустный человек при всем моем внешнем оптимизме. Никуда не хожу, сижу дома, сочиняю: занят тем, как интегрировать мои произведения в концертную жизнь музыкантов мира.